На правах рукописи

ПОПОВ Василий Петрович

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 40-е гг. (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ)

Специальность 07.00.02– Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 1996

Работа выполнена в Московском педагогическом государственном университете имени В.И. Ленина на кафедре новейшей отечественной истории.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук,
доцент ВДОВИН А.И.,

доктор исторических наук,
профессор ДАНИЛОВ А.А.,

доктор исторических наук,
профессор КАБАНОВ В.В.

Ведущая организация — Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Защита состоится "18" сентября 1996 г. в 14 ч. на заседании Диссертационного Совета Д 053.01.01 в Московском педагогическом государственном университете имени В.И. Ленина по адресу: 117571, Москва, проспект Вернадского, д. 88, ауд. ....

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Московского педагогического государственного университета им.В.И.Ленина по адресу: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «6» августа 1996 года.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета ПИСАРЕВ Ю.И.

АКТУАЛЬНОСТЬ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования. Тема "Власть и общество" во все времена актуальна. Одной из самых злободневных предстает она и в отечественной историографии, особенно в той ее части, которая связана с советским периодом - периодом глубочайших потрясений и коренных преобразований во всех сферах общественной жизни. Свое крайнее выражение этот переломный в ходе русской истории момент нашел во взаимоотношениях нового, советского, государства с крестьянством, поскольку в России сельское население составляло до недавнего времени большую ее часть, было костяком и опорой страны.

Политика государства, проводимая в современной деревне, лишний раз доказывает неисчерпаемость и чрезвычайную важность вопроса, но автор предлагаемой диссертации суживает рамки своего исследования относительно кратким отрезком советского периода - временем 40-х годов, что вовсе не исключает диалектики подхода, т.е. рассмотрения избранной темы в динамике.

Обоснование темы. Хронологически жестко обозначенные рамки исследования связаны не столько с тем, что РСФСР, входившая в СССР, пережила в 40-е годы военное лихолетье, победила фашизм, продемонстрировав всему миру стойкость своего народа, а прежде всего с тем, что именно в это время произошли негативно-необратимые процессы в настроении и сознании людей деревни, в сельском укладе в целом, несмотря на то, что победа, доставшаяся стране непомерно дорогой ценой, сулила сплочение нации, раскрепощение деревни из-под гнета колхозной системы, которая именно в 40-е годы получает наиболее полное классическое выражение в вопросах экономических и социально-правовых отношений.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить причины необратимости такого поворота в жизнеустройстве крестьян, проследить диалектику взаимоотталкивания и взаимосвязи двух сил - крестьянства и государства, от исхода борьбы которых во многом зависело будущее страны, то самое будущее, с которым мы, поколение 90-х, сейчас столкнулись лицом к лицу. Многие

современные историки с полным основанием считают, что именно решение аграрно-крестьянской проблемы стало пробным камнем жизнестойкости не только экономики страны, но и ее существования в геополитическом смысле: рушатся нравственные опоры духа, черпающие свою силу в земле и вере, - рушится и само основание Реформы, или так называемая перестройка только еще глубже обнажает сущность проблемы.

Предметом исследования является таким образом российская деревня - производитель самых необходимых для общества материальных благ (продовольствия), остов всех социальных построений в экономическом, идеологическом, культурном и т.д. плане.

В связи с актуальностью, целью и предметом исследования ставятся следующие задачи:

1. Дать оценку действующей в анализируемый период системы производственно-распределительных отношений между непосредственными производителями сельскохозяйственной продукции (колхозами, совхозами, индивидуальными приусадебными участками крестьян) и государством. В качестве главного мерила развития сельского хозяйства автором берется зерновое производство, так сказать - житница страны.

2. Показать характер рыночных отношений, жестко регулируемых государством методом всевозможных обязательных поставок; различного рода налогообложений личных хозяйств, рассматриваемых в общей системе мер как "стимулирование" производства сельхозпродукции, укрепление смычки между городом и деревней.

3. Дать анализ демографического положения дел в Российской Федерации к началу 40-х годов; показать цифру потерь среди сельского населения (вызванных не только войной, что вполне объяснимо), но и голодом, спровоцированным государственной политикой в деревне (что еще требует своего настоятельного объяснения).

4. Дать соответствующую оценку такому спекулятивному мероприятию этого времени как укрупнение колхозов; показать степень воздействия его на социальную жизнь села и те последствия, к которым это мероприятие привело.

5. Показать роль единой паспортной системы в СССР как

метода государственного контроля не только социально-экономических отношений в стране, но и личной свободы, личного волеизъявления граждан.

6. Выявить причины, масштабы воздействия и следствия репрессивной политики государства в жизни села.

7. Дать характеристику мировоззренческих установок и культуры села в эпоху колхозной действительности; выявить ее особенности не только с позиций государственных, но и с точки зрения ценностных ориентаций крестьянина-хлебороба.

8. Дать краткий анализ литературных источников по данной теме и ряда архивных документов, сделать соответствующие теоретические и практические выводы.

Методологической основой исследования является конкретно-исторический подход к освещению поставленной проблемы, раскрытие ее в свете документально-достоверных свидетельств прошлого и с позиций современности; в контексте других научных дисциплин - психологии общества, этики, статистики, социологии и др.

Научная новизна диссертации в том, что она представляет собой фактически первое в отечественной историографии исследование экономических и социальных взаимоотношений русского крестьянства и государства на отрезке истории 40-х годов. В научный оборот, помимо теоретических выводов, сделанных непосредственно автором, а также на основе досконально исследованной, но скудной по тематике данного периода литературы, вводится около 100 единиц ценных архивных материалов, приводится множество таблиц, которые имеют самостоятельное научное значение. Таковы зерновые балансы СССР, сведения о поступлении и расходовании национальных запасов хлеба, демографические показатели по городам и весям РСФСР, данные о числе осужденных в стране и др.

Аграрная политика государства изучалась автором преимущественно на основе неопубликованных (до самого последнего времени - секретных) партийно-правительственных директив, которые коренным образом меняли традиционно сложившийся уклад крестьянской жизни.

Проведенный автором анализ этих директив показывает, что

скрытая политика управления деревней резко отличалась от той, что была зафиксирована в гласных решениях партии, в идеологических установках съездов, пленумов и в речах вождей. Все это позволяет дать оценку аграрных реформ, отличную от содержащейся в официальной историографии, а главное - привести и другую точку зрения - крестьян - молчаливого большинства, над которым постоянно проводился эксперимент.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре новейшей отечественной истории МПГУ имени В.И.Ленина. Основные теоретические положения ее нашли свое отражение в сборниках документов, хрестоматиях, научных статьях (см. список опубликованных работ автора), тезисах докладов на различных (близких по теме исследования) форумах и конференциях: на 1 международной конференции ученых-аграрников и на международной конференции "Россия в XX веке" (Москва, 1990); на XXIII сессии всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории (Свердловск, 1991); всероссийской научной конференции "Крестьянское хозяйство: история и современность" (Вологда, 1992); симпозиуме "Аграрные преобразования в России: уроки истории и современность" (Москва, 1993); научной конференции "Российская государственность: этапы становления и развития" (Кострома, 1993); межвузовских научных конференциях "Власть и общество России. XX век " и "Русский язык, культура, история" (Москва, 1996); на ежегодных факультетских чтениях, заседаниях кафедры новейшей отечественной истории МПГУ имени В.И.Ленина.

Практическое применение. Основные теоретические положения и практические результаты исследования широко используются в общем курсе лекций по новейшей истории Отечества, на семинарских занятиях для студентов исторического факультета МПГУ имени В.И.Ленина; изложены в вузовской программе курса "Новейшая история Отечества. 1917-1991 гг."(М., 1994); "Хрестоматии по отечественной истории" в 2 томах (М., 1996); учебнике для исторических факультетов désинститутов "Новейшая история Отечества. XX век" (в нем автором написаны 2 главы; рукопись подготовлена к изданию); спецкурсе "Советский Союз накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.", сборнике документов "Российская деревня после войны

(июнь 1945-март 1953 гг.)".

Историография. Изучению аграрной политики России в рамках истории СССР уделялось немалое место, но предметом специального рассмотрения она стала сравнительно недавно.

Из фундаментальных работ, связанных так или иначе с рассматриваемым автором диссертации периодом, можно отметить коллективные монографии "История советского крестьянства" (тома 3 и 4. М., 1987-1988); "Советская деревня в первые послевоенные годы" (М., 1978); исследования В.Т.Анискова, Ю.В.Арутюняна, И.М.Волкова и других [1]. Однако основное внимание в этих исследованиях уделялось исключительно колхозному и совхозному производству, их материально-технической базе. Такие же острые проблемы как налоговая политика государства, оплата труда, уровень жизни колхозников, наконец - голод в деревне и др. подавались в довольно осторожной, уклончивой форме. Проблема взаимоотношений государственной власти и крестьянства в качестве самостоятельного аспекта исследования почти или вовсе не ставилась, следовательно, в работах прежних лет не нашла ни должного, ни адекватного отражения. Причина заключалась отчасти в недоступности архивных документов, большинство которых значилось под грифом "секретно", отчасти в том, что общественные науки как идеологические находились под полным контролем властей. Оценки социальных устремлений крестьян, содержащиеся в

1. Анисков В.Т. Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока фронту. 1941-1945. - Барнаул, 1966; Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. - М., 1970; Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946-1950 годах. - М., 1972; Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. - М., 1970; Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928-1941 гг. - М., 1982; Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР: Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. - Саратов, 1967; Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы. - Томск, 1979 и др.

немногочисленных работах о духовно-нравственном настрое русской деревни, скорее выдавали желаемое за действительное [1]. Аграрную политику партии приходилось изучать на основе лишь опубликованных законодательных и нормативных документов, что, с точки зрения идеологии истории, имеет несомненную научную ценность.

Начиная с 90-х годов стали появляться монографии, сборники документов, статьи по аграрной истории Российской Федерации военного и послевоенного времени, в которых оригинальные авторские трактовки подкреплялись ранее неизвестными архивными документами [2]. Но и здесь, как отмечается в диссертации, получился некоторый перекос: в большинстве работ центр тяжести сместился с производственной тематики на человека, его индивидуальный мир и быт, существующий как бы вне социальной сферы, вне рамок общественного развития.

Примерно с середины 1992 года под эгидой Института Российской Истории (Академии наук) и междисциплинарного центра социальных наук (Интерцентр) стали регулярно проводиться теоретические семинары, на которых обсуждаются концепции современной (преимущественно - западной) науки о крестьянах и крестьянских обществах, о путях их развития и

1. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. - М., 1988; Зотова О.И. Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства: (прошлое и настоящее). - М., 1983 и др.

2. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. - М., 1994; Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны. 1941-1945 гг. Пиррова победа. - М., 1995; Зима В.Ф. "Второе раскулачивание": Аграрная политика конца 40-х - начала 50-х гг. //Отечественная история, 1994, № 3, С.109-125; Он же. Послевоенное общество: голод и преступность (1946-1947 гг.) //Отечественная история, 1995, № 5, С. 45-59; Земсков В.Н. Судьба "кулацкой ссылки" (1930-1954 гг.) //Отечественная история, 1994, № 1, С. 118-147; Корнилов Г.Е. Уральское село и война: (проблемы демографического развития). - Екатеринбург, 1993; Мотревич В.П. Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941-1950 гг.). - Екатеринбург, 1993; 60 лет колхозной жизни глазами крестьян. Публ. Е.Н.Разумовской //Звенья: Исторический альманах. - М., 1991, Вып. 1, С. 113-162 и др.

модернизации [1]. Под влиянием опять же западной социологической мысли вырисовывается структура "крестьяноведения" как "самостоятельной отрасли общественной науки" [2].

Автором отмечается ряд новых черт, характерных для современных исследований в областях, смежных с темой диссертации. В первую очередь - это расширение круга источников за счет традиционных и архивных документов, использования новых методик. В этой связи автор особо выделяет канд. диссертацию В.В.Кондрашина, в которой анализируются причины голода начала 30-х годов, - по существу это первая в отечественной историографии работа, основанная на использовании устных источников [3].

Важным аспектом современной истории являются вопросы демографии [4], психологии крестьянства, его мировоззренческие и поведенческие аспекты, социальные сдвиги вообще [5].

Автором диссертации анализируются также работы ученых, касающиеся аграрной политики в истории России начала века, например, новейшие исследования столыпинской реформы, революции 1917 г.; работы, связанные с политическими биографиями советских вождей, с крестьянскими мятежами и волнениями; вопросы кооперации, коллективизации, раскулачивания, голода в деревне 30-40-х годов, репрессий, культуры села, борьбы за власть внутри партийного аппарата, истории государственных

1. См.: Отечественная история, 1992, № 5; 1993, № 2, 6; 1994, № 2, 4-6; 1995, № 3, 4, 6.

2. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. - М., 1996, С. 5.

3. Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в деревне Поволжья. Диссертация на соиск. канд. ист. наук. - М., 1991; Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах /Сост. Е.М.Ковалев. - М., 1996; Козлова Н.Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии //Социологические исследования, 1994, № 6; Она же. Заложники слова? //Социологические исследования, 1995, № 9, С. 128-136; № 10, С. 100-109 и др.

4. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. - М., 1992; Население России в 1920-1950 гг. - М., 1994; Гриф секретности снят. - М., 1993 и др.

5. Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.): Мат-лы межд. конференции. - М., 1996; Куда идет Россия? - М., 1994.

советских и партийных учреждений [1].

В связи со своей темой автор коснулся в диссертации и того большого вклада, который внесли в деревенскую тему видные русские писатели - Ф.Абрамов, В.Распутин, В.Астафьев, В.Шукшин, В.Белов и др. Их творчество, считает он, в значительной степени способствовало повороту общественного сознания к нуждам людей села.

Базисные источники исследования. В основу диссертации положены архивные документы, позволяющие с максимально доступной полнотой изучать систему экономически-социальных связей между властью и крестьянством. В работе использованы изустные сведения, полученные автором в ходе обследования быта сельчан Московской и Саратовской областей в 1991-1992 годах, крестьянские письма прежних лет, опубликованные материалы законодательного и нормативного характера, статистические данные,

---

1. Деревня в начале века: революция и реформа. - М., 1995; Тюкавкин В.Г. Историческое значение столыпинской аграрной реформы //Научная программа: русский язык, культура, история. - М., 1995, ч.2, С. 29-53; Шагин Э.М. Столыпинская аграрная реформа: ее результаты и судьба //Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIУ сессия симпозиума по аграрной истории Вост.Европы. - М., 1995, С. 130-150; Кооперативный план: иллюзии и реальность. - М., 1995; Голод 1932-1933 гг. - М., 1995; Волкогонов Д.А. Семь вождей. - В 2-х кн. - М., 1995; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.). - М., 1994; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. ("Антоновщина"): Документы и материалы. - Тамбов, 1994; Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье, 1950-1965. - Москва-Вологда, 1991; Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке //Вопросы истории, 1993, № 3, С. 33-46; Денисова Л.Н. Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60-80-е гг. - М., 1995; Полиция и милиция России: страницы истории /А.В.Борисов и др. - М., 1995; Волков И.М. Засуха, голод 1946-1947 гг. //История СССР, 1991, № 4, С. 3-19; Зеленин И.Е. "Революция сверху": завершение и трагические последствия //Вопросы истории, 1994, № 10, С. 28-42; Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР (1917-1990) //Россия. XXI, 1994, № 1-2, С. 107-124; Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 гг. //Вопросы истории, 1995, № 1, С. 23-39; Осокина Е.А. Иерархия потребления. - М., 1993; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы, 1945-1964 гг. - М., 1993; Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940-1950-е гг. - М., 1994 и др.

периодическая печать, мемуары.

В работе автором используются 26 фондов - из Архива Президента Российской Федерации, из Государственного Архива Российской Федерации и из Российского Государственного Архива Экономики. Из них наиболее существенные - фонды Политбюро и Сталина, Президиума Верховного Совета СССР, Совмина СССР, Совета по делам колхозов, министерств - внутренних дел, юстиции, финансов, заготовок, сельского хозяйства; Госплана, ЦСУ СССР и др.

Активно используются автором десятки таблиц и приложений, основанных на официальных данных статистики. При этом надо отметить большую трудоемкость работы, связанную с достоверностью того или иного показателя, поскольку авторские выводы, после сверки данных, очень часто были далеки как от выводов ученых, так и от официальной статистики. Это в одинаковой мере относится к показателям урожайности, демографической ситуации, бюджета колхозников, числа осужденных и др. (конкретный анализ статистических данных дается в тех главах диссертации, где этого требует тема).

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения и ряда приложений (примечаний, таблиц, записей устных сведений, списка источников и литературы, используемых автором в ходе исследования).

Во введении оговаривается актуальность темы, дается ее обоснование, ставятся цель, задачи и предмет исследования, делается краткий историографический обзор (конкретный анализ основных публикаций по теме дается в каждой главе) и анализ источников, в той или иной степени касающихся темы.

В основу работы положен конкретно-исторический принцип исследования аграрной политики государства, проводимой в двух направлениях, - экономическом и социальном. В соответствии с этим диссертация делится как бы на две части. В первую включены главы, посвященные вопросам производства и распределения зерна в СССР в 40-е годы (здесь проблема животноводства автором не затрагивается вовсе) и налогообложению крестьянских

хозяйств.

Социальной стороне деревни в диссертации уделяется значительно больше места, нежели экономической - ей отведено 6 глав, освещающих вопросы демографического положения общества в целом в 40-е годы, миграционных процессов, социальной политики партии. Специальному анализу подвергаются мировоззренческие установки сельчан, сложившиеся в ходе многовековой истории и претерпевающие нежелательные изменения под давлением обстоятельств.

Глава первая "Производство и распределение зерна в СССР в 40-е годы" состоит из четырех параграфов: 1. Роль государства в регулировании рынка сельхозпродуктов. 2. Производство зерна в СССР в 40-е годы. 3. Государственный резерв хлеба. 4. Распределение зерна в СССР в 40-е гг.

В них автор показывает, какие изменения произошли в стране после событий 1914-1917 годов, исследует причины, способствующие тому, что новое советское государство взяло на себя функции главного распорядителя рыночных отношений, не отказываясь от монополии внутренней и внешней торговли даже после гражданской войны; анализирует причины распада мощного российского рынка, отношения, складывающиеся у новой власти с крестьянством.

Поскольку базисом анализа экономических отношений государства с деревней служит, для автора, зерновая продукция, то, на основе данных о поступлении ее в закрома за период с 1913 года по 1951 (в сравнении) можно сделать вывод, что за некоторыми исключениями, колхозная деревня, начиная с 1930 г., намного лучше справлялась с проблемой производства урожая, чем прежняя, дореволюционная. Но, как показывается в диссертации, дело здесь не в эффективности коллективной системы хозяйствования, а в том, что, во-первых, для государства стало возможным достаточно точно устанавливать объем ежегодных поставок, гарантирующий заполучение почти половины собранного в стране урожая, а во-вторых, давало ему право полного и бесконтрольного распоряжения хлебом. И даже та часть зерна, которая оставалась в хозяйствах, шла не на нужды колхозников, а на непрерывность поставок. Одним из главных средств добычи

хлеба, как указывается в диссертации, была так называемая видовая, т.е. завышенная, оценка урожайности. С ее помощью устанавливалась верхняя планка хлебозаготовок, до которой "подтягивали" деревню десятки тысяч уполномоченных, сотни секретных партийно-правительственных решений. Спускаемый сверху план на урожай, подкрепленный очередным постановлением, немедленно принимал силу закона, обязательного к неукоснительному исполнению всеми, кто был задействован в рамках этого закона, - от рядового председателя колхоза до высшего партийного чиновника.

В случае, если фактический урожай сильно отличался от видового, государство взыскивало с отстающих колхозов недоимки в следующем году и/или перекладывало их в форме дополнительных поставок на более крепкие в хозяйственном отношении колхозы или на передовые колхозы (должно быть, этим объясняется тот факт, что хлебозаготовительные планы выполняли в 40-х годах не более половины всех колхозов страны). Механизм, регулирующий заготовки зерна, на практике был целиком внеэкономическим способом принуждения сельского работника к труду, вследствие чего тот утрачивал всяческую заинтересованность в подъеме хозяйства своей артели вообще и производства хлеба в частности.

Экономическая дискуссия, проводимая по инициативе правительства в 1951 году, свидетельствует о том, что в начале 50-х годов советское руководство все же рассматривало варианты использования экономических стимулов для подъема колхозного производства, но в конечном итоге отвергло их из-за страха, как бы не пришлось вслед за экономическими уступками крестьянству пойти на компромиссы и идеологического характера.

На основе достоверно объективных данных автором показано, что, независимо от чрезвычайных обстоятельств этого периода (жесточайшей разрухи, неблагоприятных погодных условий, экстремального духовно-нравственного и экономического напряжения деревни) у нее ежегодно изымалось около 45% фактического урожая, выращенного в стране. Поэтому, давая оценку показателям хлебозаготовок как неотъемлемой части колхозной действительности, ее можно, считает автор, признать

эффективной в том плане, в каком, посредством ее, решались задачи, поставленные государством. О прямом влиянии такой политики в деревне свидетельствуют и результаты войны, и быстрое восстановление тяжелой промышленности после войны в крупных городах, и рост военно-оборонного потенциала, и процесс восстановления хозяйства страны в целом.

Однако систему заготовок нельзя было назвать эффективной, если говорить о качестве собираемого зерна, о громадных потерях его при уборке - последние, по весьма осторожным оценкам ЦСУ СССР, составляли порою до одной трети валового объема. Поставляемый на склады "Заготзерно" урожай был, как правило, низкого качества (сорность, влажность, зараженность клещем и пр.), что, разумеется, было следствием полной незаинтересованности колхозников в результатах своего труда. Как свидетельствуют данные, приведенные в диссертации, натуральная выдача продуктов по трудодням во многих районах Российской Федерации не обеспечивала семьям колхозников даже минимально необходимых прожиточных норм.

Сдавая государству за бесценок хлеб - в первую очередь и лучшего качества, в оптимально агротехнические и жестко запланированные сроки труженики села понимали, что они рискуют остаться без каких бы то ни было запасов хлеба, а значит - жить впроголодь, умирать от истощения. Чтобы как-то уцелеть, они прибегали к приптскам или другим способам обмана государства (например, документы, связанные с правительственной перепиской этого периода, пестрят многочисленными ссылками на широкое распространение такого приема как списание значительного количества зерна в так называемые мертвые отходы).

Анализ балансов урожая хлеба, данных о выдаче зерна в колхозах на трудодни, показателей нормированного снабжения городского и части сельского населения (карточная система) позволяет автору коснуться нравственно-этической стороны советского государства - темы, полностью запретной до недавнего времени. Большой цифровой материал, приведенный в первой главе диссертации в этом контексте, позволяет сделать вывод о том, что и до войны, и в войну, и после нее самые насущные интересы людей - обеспечение их продовольствием -

стояли для партии и правительства на самом последнем месте в ряду других государственных задач.

В этом плане автором приводится статистика, которая говорит сама за себя: за период с 1941 по 1944 годы для нужд Красной Армии и народного хозяйства было разбронировано 15047,8 тысяч тонн хлеба (включая продовольственное зерно, фуражное, муку и крупу), в госрезерв - заложено 10074,0 тыс. тонн. Превышение расхода над доходом за 4 года составило около 5 млн. тонн, т.е. почти равнялось объемам хлебного резерва накануне войны. После войны запасы хлеба (по состоянию на 1 января соответственно) значительно возросли - с 5876,4 в 1941 году до 21000,0 тыс. тонн в 1951. Даже в 1946-1948 годах, когда многие районы Российской Федерации поразили засуха и голод, государственные запасы зерна перед новым урожаем (по состоянию на 1 июля) превышали соответствующий показатель за военные годы. Тем не менее это не сказалось положительным образом на жизненном уровне населения, поскольку вместо помощи голодающим хлеб отправляли на экспорт, который в 1948-1950 годах составлял около 8% всей расходной части зернового баланса страны.

Относительно невысокими в 40-е годы были показатели объема зерна, поставляемого в рыночный фонд: они, даже после отмены карточной системы в стране, были значительно ниже соответствующего показателя военных лет, что, с одной стороны объяснялось хроническим дефицитом продовольствия и в связи с этим - необходимостью строго режима экономии. С другой - отражало правительственную политику, направленную на уравниловку всех слоев общества в сфере потребления, что позволяет сделать следующий <u>вывод</u>: сохраняя за собою право в области распределительных функций, государство сохраняло тем самым главные рычаги управления силой, способствующие укоренению таких социальных отношений, изменить которые не смогли ни война, ни какие бы то ни было другие чрезвычайные обстоятельства.

<u>Глава вторая</u> "Крестьянские налоги в 40-е годы" включает два параграфа: 1. Обязательные поставки сельхозпродукции и 2. Сельскохозяйственный налог на крестьянские подворья.

Здесь автором прослеживается природа важнейших в 40-е годы налогов с крестьянских подворий - натурального и денежного. Эти формы налогообложения рассматриваются в двух аспектах: 1) как специфическая форма регулирования государством сельскохозяйственного производства и рыночных отношений в стране; 2) как главный источник продуктов питания сельского населения. Но акцент исследования смещается здесь с проблемы зернового хозяйства на продукцию животноводства.

Автором в частности показывается, что личные подворья крестьян, ставшие для них в колхозное время основным, и чуть ли не единственным источником продовольствия, испытывали на себе ту же государственную политику, которая проводилась и в отношении коллективных хозяйств. Понимая, что в силу необходимости крестьянин будет вынужден выращивать продукцию (на жестко регламентированном в размерах) приусадебном участке, государство обложило его сразу двумя налогами: натуральным - обязательные поставки мяса, шерсти, молока, яиц и т.д. и денежным, выплачиваемым с 1939 года по прогрессивным ставкам.

При помощи первого изымалась за бесценок определенная часть выращенной сельскохозяйственной продукции. И тут одна характерная деталь: подсобные хозяйства, не имеющие скота или птицы по причине того, что их часто было нечем кормить (а таких, как показывают приведенные в данной главе цифры, было в 40-е годы немало), также не освобождались от уплаты натурального налога, для них не делалось никаких скидок. Подобное положение вынуждало членов семьи искать заработка на стороне, а поскольку это было делом непростым для того времени, крестьянам чаще всего приходилось продавать продукты, отказывая себе в самом необходимом.

Этот неадекватный человеческому разумению способ "подъема" производства подкреплялся ценовой политикой государства. С одной стороны, с отменой карточной системы розничные цены на сельхозпродукты снижались, а с другой - размеры денежных налогообложений повышались. В результате этих "ножниц" налицо был объективно достоверный факт: продажа продуктов, произведенных в личных хозяйствах, из года в год увеличивалась. И, если бы среднее хозяйство продавало на рынке в 1940 и 1950 годах равное количество продукции, то, в условиях снижения цен, денежный доход его должен бы постоянно сокращаться. Но, как показывают приведенные в работе данные, картина была обратной: за этот период денежный доход от продажи вырос с 394 до 487 рублей (в сопоставимых ценах с учетом изменения курса рубля после денежной реформы 1947 года - сведения взяты из бюджетных обследований семей колхозников (1940-1950-е годы), что в условиях регулярного падения рыночных цен вслед за государственными, свидетельствовало о значительном увеличении объема продаваемой продукции. Размеры обязательных поставок к концу 40-х годов, по сравнению с довоенным уровнем (по экономическим зонам страны в целом) резко возросли; увеличилось число индивидуальных хозяйств, привлеченных к уплате натурального налога, бремя которого для большинства крестьянских дворов было просто разорительным. Так, процент индивидуальных хозяйств, не выполнивших годовых обязательств по поставке мяса - составлял цифру около 35%, молока - около 37, яиц - около 45, шерсти - около 40% и выше. Примерно 15% хозяйств вообще не имели возможностей выполнить какие бы то ни было поставки.

В годы войны (особенно в период 1942-43 годов) из-за резкого повышения цен на колхозных рынках, наметился некоторый рост доходов крестьянских подворий. По данным наркомфина СССР, индекс рыночных цен на сельхозпродукты в 1942 году составил 8,86 относительно уровня 1940 года, тогда как нормы доходности по отдельным видам продукции (по которым определялся размер налога) повысились примерно в 4-5 раз. В октябре 1945 года индекс цен упал до 4,17 по сравнению с довоенным уровнем, что резко снизило доходы сельского населения. Однако и здесь наблюдался перекос: во-первых, потому что ощутимый доход имел место лишь в районах РСФСР, куда направлялся большой поток эвакуированных, и в крупных промышленных центрах, для которых характерен повышенный спрос на продовольствие; во-вторых, далеко не все хозяйства имели возможность вывозить свою продукцию на продажу; в третьих - и это главное - значительная часть вырученных крестьянами денег уходила на выплату налогов (в период войны помимо сельхозналога взимался

еще и военный налог, делались взносы по государственным займам, носившим принудительный характер). Следовательно, реальная денежная масса, которой располагало население, была довольно небольшой. Поскольку же во многих колхозах денежная оплата по трудодням не производилась вовсе, продажа продуктов на рынке часто была единственным способом добывания денег для уплаты налогов и займов.

После войны наблюдалась та же тенденция: показатель снижения норм доходности, с которых исчислялся размер налога, всегда отставал от показателя снижения розничных и рыночных цен. К тому же снижение норм доходности и цен никогда не проводилось пропорционально: государство всегда сохраняло определенный "резерв" в свою пользу.

Такая политика, как показывает автор, не могла не привести к полному банкротству ее. К началу 50-х годов резко сократилось число хозяйств, имеющих коров; увеличилось число недоимщиков (главным образом за счет стариков и старух, вдов с детьми). Чтобы не платить налоги, крестьяне вырубали сады и ягодники (они тоже облагались налогами), прибегали к иным мерам стихийной самозащиты (например, к фиктивному разделу крестьянских дворов).

Как свидетельствуют данные, распределение сельхозпродукции в личном и коллективном хозяйстве не ставилось в прямую зависимость от эффективности производства. Колхозы, выполнившие государственный план, получали дополнительные задания; личные хозяйства, если даже им удавалось увеличить производство, при помощи всевозможных ухищрений старались избежать разорительного налогообложения.

Общество, в котором нехватка продуктов питания становилась явлением хроническим, имело социальную стратификацию, совершенно отличную от того, что провозглашалось лозунгом: "От каждого - по способностям, каждому - по труду" и что, в свою очередь, способствовало укоренению так называемой системы кормленчества, невиданному росту паразитарных слоев деревни за счет многочисленных представителей советских, государственных и партийных органов районного и областного звена, колхозной верхушки и др.

Этот вывод напрашивается сам собой - достаточно заглянуть в учебники обществоведения, чтобы убедиться в его правомерности. Ирония вопроса, однако состоит в том пафосе, с которым подавался лозунг: "Народ и партия едины", заключающий изначально противоречие в самом себе, поскольку констатировал единство противоположностей несовместимых.

Глава третья "Численность населения РСФСР в 40-е годы и причины ее изменения" содержит 2 параграфа: 1. Критический анализ источников ведомственной статистики о численности населения СССР в 40-е годы. 2. Численность населения РСФСР в 40-е годы, причины ее изменения. Материалы главы посвящены вопросу демографического положения Российской Федерации в рассматриваемый период, факторам, определяющим динамику социально-экономических процессов в городской и сельской среде.

Здесь автором высвечиваются трудности, связанные с объективностью официальных статистических данных по учету населения в военные и первые послевоенные годы. Они довольно приблизительны , ориентировочны. Первичный учет населения (судя по материалам сельских советов) тоже не отличался точностью. Например, авторский анализ похозяйственных книг сельсоветов Луховицкого района Моск. области и Ново-Бурасского района Сарат. области показал - регулярные записи в них за 40-е годы не велись, что подтверждается и оценкой ЦСУ: недоучет населения по РСФСР на 1 января 1941 года составил 6,3% к приведенным данным. Отсутствием точных данных отличаются и годовые отчеты колхозов - в них особенно велик пробел в учете трудоспособного населения. Неполнота сведений характерна и для материалов ЗАГСов.

На основе анализа подобного рода данных автор приходит к выводу, что достоверность их в каждом конкретном случае приходится выверять, но в целом вырисовывается следующая тенденция демографического положения дел в Российской Федерации: за период с 1941 по 1946 годы (по состоянию на 1 января соответственно) общая численность населения в республике сократилась с 111,7 до 88,9 млн. человек, в том числе городского - с 39,2 до 34,6, сельского - с 72,5 до 54,3 млн.

к началу 1951 года соответствующие показатели составляли 99,3, 43,4, 55,9 млн. человек, из чего следует, что город сумел восполнить урон населения от войны и даже превзошел довоенный уровень; что же касается села, то его потери оказались невосполнимыми.

Для довоенного общества Российской Федерации была характерна не только высокая рождаемость (33,6 на 1000 населения в 1940 году), но и высокая детская смертность (19,9 на 100 родившихся). Война резко усилила эту негативную тенденцию: рождаемость перестала падать в городе только с 1944, а на селе - с 1945 годов. Снижение рождаемости повлекло за собой и снижение детской смертности.

Изменение половозрастной структуры населения, связанное с демобилизацией мужчин из армии, восстановление рождаемости в семьях, не связанных с демобилизацией, привело к заметному повышению рождаемости в послевоенный период. Однако в 1947 году, в связи с обострившимся голодом, естественный прирост населения вновь резко упал. Автор показывает (вопреки официально утвердившемуся в исторической науке мнению о том, что голод в республике продолжался только в 1946-47 годах), что продолжался он и в последующем году (о чем свидетельствует резкое повышение абсолютного числа смертности в РСФСР). Между тем исчисленный ЦСУ общий коэффициент смертности за 1948 год гораздо меньше, чем за 1947 , что является неопровержимым фактом искажения истины.

На основе анализа данных автором установлена цифра прямых (избыточная смертность по республике в 1947-48 годах в сравнении с предшествующим годом) и косвенных потерь (падение рождаемости в 1947-48 годах в сравнении с предшествующим годом) от голода и связанных с ним болезней. Эта цифра составляет около 3 млн. человек (из них около 1 млн. умерли).

В приведенные автором расчеты не вошло число потерь за 1946 год: из-за притока демобилизованных и репатриированных общая численность населения РСФСР к этому времени резко выросла, а потому сравнивать показатели смертности и рождаемости за 1946 год с соответствующими данными за 1945 с точки зрения автора некорректно.

Послевоенный голод, отмечается в этой главе, никогда

официально не признавался и всячески замалчивался не только в печати, но и в правительственной переписке. Одним из немногих источников в этом плане являются информационные сводки МГБ СССР, составленные "в результате негласного контроля корреспонденции", исходящей от населения голодающих районов. Благодаря им и другим секретным сведениям можно сделать вывод, что особенно сильно страдали Астраханская, Воронежская, Курская, Сталинградская (ныне Волгоградская), Молотовская (ныне Пермская), Тамбовская, Ульяновская, Крымская, Читинская области, Краснодарский край, Башкирская АССР. Алиментарная дистрофия населения наблюдалась в Орловской, Рязанской, Брянской, Курганской, Смоленской, Пензенской, Саратовской областях, Бурят-Монгольской, Татарской, Мордовской АССР.

А тем временем, говорит в заключение главы автор, на экспорт шло такое количество зерна, которого с лихвой хватило бы для спасения погибающих голодной смертью людей. Гласности этот факт власти не предавали: за вымиранием следили негласно.

Глава четвертая "Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы" состоит из трех параграфов: 1. Вопросы рождаемости в сельской местности и городах. 2. Вопросы смертности в сельской местности и городах. 3. Естественный прирост населения в селах и городах России.

Изучение областных и региональных особенностей позволило автору уяснить следующие вопросы: как сказывалось разнообразие природных и экономических особенностей республики на изменении демографической ситуации; какие причины оказали на нее первоочередное воздействие; насколько правомерны выводы, сделанные в ходе исследования статистических данных по РСФСР в целом, для отдельных областей, краев и автономных республик. Главным источником, от которого отталкивается автор, служат показатели естественного движения населения (рождаемость, смертность, естественный прирост) по большинству городских и сельских административно-территориальных единиц РСФСР.

Как показывают цифры, до войны для большинства сел России была характерна высокая и выше средней рождаемость (показатели от 26,0 до 40,9 $^{0}/_{00}$). В основном это Среднее Поволжье, зерновые регионы республики, значительная часть Сибири, Север

и Северо-Запад. Очень высокая рождаемость (41,0 °/оо и выше) отмечена на Урале, в Нижнем Поволжье, Забайкалье, на Дальнем Востоке. И только исторический центр России - Московская, Смоленская, Калининская, Тульская, Рязанская и Ленинградская области попали в самую низкую для 1940 года по рождаемости группу - среднюю (от 17,0 до 25,9 °/оо).

Гибель мужчин на фронте стала главной причиной, резко повлиявшей на снижение показателя рождаемости в середине 40-х годов: основной удельный вес в РСФСР стали составлять области, края и автономные республики со средней рождаемостью; выявился ряд областей с низкой рождаемостью (16,9 °/оо и ниже). Но в первый послевоенный год произошло важное в демографическом отношении событие - возвращение с фронта демобилизованных солдат, что, естественно, не могло не сказаться на росте рождаемости (к 1 сентября 1946 года в Российской Федерации было демобилизовано 4325014 человек). Большая часть из них прибывала в сельскую местность (61% от общего числа). Это было характерно как для районов, находившихся в немецкой оккупации, так и для тыловых. Как будто наметилась тенденция прироста населения, но, как показано в этой главе диссертации, в 1947-48 годах сложилась ситуация, при которой в подавляющем большинстве сельских районов России рождаемость удерживалась только на среднем, а порою даже на низком уровне, т.е. показатели ее, по сравнению с 1946 годом, заметно снизились, что полностью противоречит распространенному среди историков мнению о том, что низкие темпы роста сельского населения в первые послевоенные годы связаны с войной и оккупацией [1].

Проведенный автором анализ показал, что отчасти это действительно имело место. Но только отчасти. Основным же фактором, способствующим снижению численности населения российской деревни была антинародная политика государства. Это вывод подтверждается и при анализе половозрастной структуры сельского населения, уровня рождаемости для районов, которые полностью или частично находились в оккупации.

1. См., например: Вербицкая О.М. Указ.соч., С. 80-83. Сходная точка зрения высказана в четвертом томе "Истории советского крестьянства". - М., 1988, С. 153.

Миграция из сел лиц трудоспособного возраста усилилась, а численность их за счет естественного прироста уже не восполнялась. Заметное падение рождаемости проявилось в районах Севера, Урала, Сибири. Но голодающие регионы охватывали более широкую территорию, чем та, которая согласно правительственным сводкам, была затронута засухой. А ведь в 1948 году засухи как таковой не было, однако положение с рождаемостью на селе значительно ухудшилось по сравнению с предшествующим 1947 годом и в особенности - с 1946.

Аналогичные процессы наблюдались и в городах. Но здесь снижение рождаемости было намного меньше, что объясняется тем, что городское население находилось на гарантированном государственном обеспечении продовольствием круглый год.

Как показано в диссертации, до войны смертность населения в ряде областей РСФСР (Архангельской, Кировской, Молотовской, Якутии, Марийской, Чувашской, Удмуртской АССР) почти вдвое (28,1-36,2 °/оо) превышала таковую в других регионах европейской части России. Но после войны этот показатель снижается, что связано с резким сокращением в годы войны численности младенцев и престарелых. Уменьшение рождаемости в годы войны, как показано в диссертации, вело к сокращению доли младенцев в общей численности населения и, соответственно, к снижению общего коэффициента смертности (наличие прямой связи между двумя показателями наблюдается и при анализе цифр младенческой смертности).

Чем труднее становилась жизнь на селе, тем быстрее росла стихийная миграция, приводившая к "вымыванию" трудоспособной части населения и падению рождаемости. Последнее, в свою очередь, вызывало снижение показателя детской смертности. Следовательно, коэффициенты последней не всегда служат точным мерилом демографического положения дел, не всегда объясняют причины, повлиявшие на его изменение. Так, в Крымской области, которую с полным правом можно отнести к районам, наиболее пострадавшим от засухи и голода, общий коэффициент смертности сельского населения изменялся так: в 1946 году - 6,8 °/оо, 1947 - 7,5, 1948 - 3,9 °/оо. Показатель за 1948 год - самый низкий для всех районов РСФСР. Ему соответствует и

самый низкий показатель рождаемости (10,9 ^{о}/оо), по сравнению с 1946 годом он сократился вдвое. Причина та же - люди покидали Крым и, убегая от голода, обрекали его на безлюдье.

Что касается довоенного уровня естественного прироста населения, то он, как следует из выводов автора, во многих селах республики был благоприятным. Это касается Астраханской, Читинской, Крымской областей, Приморского, Краснодарского, Хабаровского, Ставропольского краев, Северо-Осетинской и Бурят-Монгольской АССР. Однако война привела к ухудшению дел: увеличилось число районов с низкими показателями естественного прироста. Демобилизация и связанный с ней приток населения после войны несколько выправили положение, но государство мало что предпринимало в этом плане.

В 1947 году численность и удельный вес районов с низким показателем естественного прироста увеличились, а села Вологодской, Псковской, Московской, Смоленской, Великолукской, Ярославской областей вовсе имели отрицательный коэффициент в этом плане. Близкими к ним оказались цифры Воронежской (0,0 ^{о}/оо), Курской (1,9 ^{о}/оо), Ивановской (1,1 ^{о}/оо), Новгородской (0,3 ^{о}/оо) и Калининской (2,3 ^{о}/оо) областей. Однако в 1946 году все они имели более высокие показатели, что говорит об изменениях, которые были связаны не с войной, а стали прямым следствием тяжелого материального положения деревни. Может быть, в меньшей степени, но точно такие же изменения, говорится в диссертации, характерны и для города.

В главе пятой "Укрупнение колхозов в 50-е - начале 60-х годов как очередная ломка социального уклада села" материал излагается цельно, без раздела на параграфы.

Рассмотрение поставленной проблемы, которая в отечественной историографии характеризуется как "процесс перестройки экономической структуры мелких хозяйств" [1], начинается с анализа правительственной точки зрения.

1. Долгов В.С. Колхозный строй в 50-е гг. //Исторические записки. - М., 1984, Т. 111. С некоторыми оговорками данная точка зрения разделяется и другими историками. См., например: Русинов И.В. "Неперспективная" деревня: от домыслов к истине //Вопросы истории КПСС, 1990, № 8.

Интересный материал в этом отношении дают документы Кремлевского архива, позволяющие диссертанту сделать вывод о том, что государство еще до войны проводило политику укрупнения колхозов в отдельных районах страны (например, в Ленинградской и Калининской областях), используя эту меру как попытку поставить крестьян - вчерашних самостоятельных хозяев России - под свой жесткий контроль.

Главными аргументами властей в пользу укрупнения коллективных хозяйств были следующие: мелкие колхозы представляют серьезное препятствие в плане использования тракторов и мощных машин, что отрицательно сказывается на урожайности зерна и продуктивности животноводства; низкий уровень производства в таких колхозах не позволяет им полностью рассчитываться по поставкам с государством, проводить полноценную оплату труда колхозников, пополнять неделимые фонды, вести строительство на селе. Отсюда делался вывод, что наличие мелких колхозов сдерживает не только экономическое, но и культурное развитие села. Такая точка зрения легла в основу известного постановления ЦК "Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле". Она же была изложена в докладной записке завсельхозотделом ЦК ВКП(б) А.Козлова на имя Сталина в июле 1950 года, которая подводила первые итоги этой акции.

Анализ донесений с мест показывает, что многие партийные руководители были хорошо осведомлены о нежелании крестьян переселяться на новые места. Но, как считали чиновники, в мелких артелях господствовали "личные интересы в ущерб интересам артельного хозяйства", и эти интересы следовало искоренить.

Исторически сложившаяся система расселения сельского люда России, наличие на ее территории множества мелких деревень способствовали, несмотря на чудовищность коллективизации, сохранению остатков прежнего жизненного уклада и православного мировоззрения русского человека, которые были несовместимы с пролетарской доктриной коммунистического общества. Как следует из диссертации, главным объектом "социалистической переделки" в рассматриваемый период было

не столько сельскохозяйственное производство, сколько человек.

В письме двух видных экономистов того времени А.Саниной и В.Венжера, направленном Сталину от 18 марта 1952 года, указывалось в этой связи, что "колхозы составляют основную базу для переделки крестьянина, для переработки его психологии в духе социализма". Если бы вопрос об укрупнении колхозов стоял только в экономической плоскости, отмечалось в письме, не было бы "никакой необходимости второго тура укрупнения".

Подобный подход к крестьянству как к "передельческому сырью" для строительства нового общества был характерен в те годы для представителей многих социальных слоев. Так, в октябре 1942 года драматург Н.Богданов в письме Сталину, описывая тяготы фронтовых буден (окружение армии, сдача в плен крестьян-красноармейцев) предлагал: "После войны, не во всех, но во многих районах и областях надо перейти от колхозного строя к строю сельскохозяйственных рабочих, с обязательной ликвидацией крестьянских изб, как ячейки основы, рассадника частнособственнических мыслей, желаний, стремлений. Надо будет, по моему мнению, после войны стереть с лица колхозной, точнее с.-х. земли крестьянские избы и создать, построить коллективные многоквартирные дома ... пока существует изба, огород, приусадебная земля, корова, свинья, овцы, козы, куры и т.д. до тех пор будет существовать мелкособственническая идеология среди крестьянства, а отсюда и чаяния на возврат к прошлому, к получению земли, к созданию своего индивидуального хозяйства. А отсюда и их отношение к социализму, коммунизму"[1].

Как показано в диссертации, укрупнение колхозов, затронувшее в основном исторический центр России - Московскую, Ленинградскую, Смоленскую, Ярославскую, Калужскую, Калининскую, Ивановскую, Тульскую, Рязанскую, Вологодскую, Псковскую, Владимирскую, Новгородскую, Великолукскую, Кировскую области - привело совсем не к тем результатам, на которые

1. Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45, Оп. 1, Д. 883, Л. 7-12.

рассчитывали власти: это государственное мероприятие сопровождалось принудительным сселением тысяч "неперспективных" деревень, массовым убоем во многих хозяйствах общественного скота, растаскиванием имущества, денежных средств и мелкого инвентаря колхозов, а самое главное - массовостью стихийной миграции деревни. За 1949-1951 годы численность трудоспособных лиц в колхозах уменьшилась по СССР (по сопоставимым территориям) в сравнении с 1948 на 2,4 млн. человек, а в таких областях как Калининская, Куйбышевская, Сталинградская, Саратовская и Кировская эта цифра достигла почти 24 процентов.

На большом фактическом материале автором показано, что укрупнение колхозов в 50-е и в последующие годы было связано не только и не столько с экономикой колхозов (как это принято считать в современной историографии), сколько с корректировкой диктаторских методов управления деревней со стороны государства. Сталин и поддерживающие его курс чиновники хорошо понимали эту сторону вопроса и придавали ей исключительное значение.

Материалы Кремлевского архива позволяют автору провести сравнительный анализ деятельности двух правителей СССР - И.Сталина и Н.Хрущева - по некоторым определяющим направлениям аграрной политики, показать преемственность их установок по отношению к крестьянству, что особенно ярко проявилось в очередной акции применительно к деревне - в период укрупнения колхозов.

Сходными были методы, сходными и результаты аграрного курса вождей - укрупнение колхозов при них происходило молниеносными темпами и имело столь же катастрофические последствия - начались массовое бегство людей из деревни, ее запустение и вымирание. Зато общий прирост городского населения за счет притока сельчан составил за 1960-64 годы около 7 млн. человек. Масштабы миграции, считает автор, могли бы быть и большими, но российская деревня неотвратимо "старела" - удельный вес нетрудоспособных по возрасту в общей численности населения колхозов вырос, в расчете на одно хозяйство за 1953-64 годы, с 14 до 20 процентов.

<u>Глава шестая</u> "Паспортная система как регулятор социально-экономических отношений в советском обществе" состоит из 3

параграфов: 1. Введение единой паспортной системы в стране и ее особенности. 2. Основные положения паспортной системы в дореволюционной России. 3. Советская паспортная система и ее последствия.

Хронологически изложение материала главы охватывает период с 1932 года (с момента установления единой советской паспортной системы) до постановления правительства 1974 года о распространении ее на всех граждан СССР, достигших 16 лет.

Рассматриваемая в этом контексте проблема до последнего времени отечественной историографией не изучалась вообще. Единственная по данной тематике работа Б.Т.Шумилина, хотя и содержит ряд интересных фактов, носит чисто информационный характер, многие вопросы по существу в ней не раскрыты вовсе [1].

Большинство законодательных и нормативных документов партии и правительства, регулирующих паспортную систему, носили секретный характер, что, как показано в исследовании, было связано с антинародным духом политики в области паспортизации и что позволяло правительству создавать в обществе иллюзии как бы правового положения крестьян.

Согласно постановлениям (в декабре 1932 и апреле 1933 годов) паспорта в сельской местности выдавались только в совхозах и на территориях, объявленных "режимными" (т.е. приграничные зоны, столичные города и область вокруг них, крупные промышленные центры, оборонные объекты). Остальные граждане СССР, проживающие на селе, права на получение паспортов не имели. Формально, при перемене места жительства колхозники могли получить паспорт; фактически же эта процедура была обставлена множеством ограничений, что, как показывает автор, связано с завершением принудительной коллективизации и прикреплением людей к колхозным работам. Закрытым постановлением СНК СССР от 19 сентября 1934 года определялось, что в паспортизированных местностях предприятия могли принимать на работу колхозников, которые ушли в отход

1. Шумилин Б.Т. Молоткастый, серпастый... - М., 1979.

без договора с хозорганами "лишь при наличии у этих колхозников паспортов, полученных по прежнему месту жительства и справки правления колхоза о его согласии на отход колхозника".

Проходили десятки лет, менялись инструкции и положения по паспортной работе, менялись наркомы и министры внутренних дел, менялись руководители страны, но основа прикрепления крестьян к колхозным работам сохраняла свою юридическую силу. Хотя октябрьское 1953 года "Положение о паспортах" узаконивало выдачу краткосрочных паспортов "отходникам" на "срок действия договора", которые колхозники рассматривали не как паспорт, а как формальное разрешение на сезонные работы.

Правовое положение крестьянина в колхозную эпоху делало не только его изгоем в родной стране, но и его детей. Анализ правительственных документов, факты судебных разбирательств, приведенные в диссертации, свидетельствуют о том, что в большинстве случаев детей колхозников, по достижении ими 16 лет, правление сельхозартели автоматически заносило в списки своих членов без заявлений с их стороны о приеме, без их мнения, без их согласия. Получалось, что сельская молодежь не имела права распоряжаться своей судьбой - прикрепление ее к колхозным работам оставляло мало шансов на получение паспорта.

В диссертации показано, что паспортная система в оценке крестьян по сути своей дополняла колхозную. Колхозы были активным средством закрепления и изоляции людей, тогда как паспортная система узаконивала это прикрепление, у государства появилось универсальное средство, закрепляя людей в городах, позволяла не только обеспечивать промышленность рабочими кадрами в нужном количестве, но и, ограничивая выдачу паспортов на селе, сдерживать стихийную миграцию.

Послабления, именуемые "хрущевской оттепелью", не внесли существенных перемен в правовое положение колхозников: все также действовал "примерный устав сельхозартели", в годовых отчетах колхозов "отходники" считались как и прежде, рабочей силой, числящейся за колхозами, ограничивались в паспортных правах. Именно паспортная система в какой-то мере препятствовала случаям массового бегства из деревни.

В диссертации показано, что созданные в рамках этой системы Центральное и кустовые адресные бюро способствовали тотальному контролю за гражданами страны в целом и теми, кого советская власть относила к "уголовным, кулацким и иным антиобщественным элементам". Разделение общества на паспортных и беспаспортных способствовало искусственно созданной градации его на "рабочих", "колхозников" и "интеллигенцию". Режимные города, "очищенные" советской властью от всех нежелательных (с ее точки зрения) "элементов", гарантировали своему населению твердый заработок, но взамен требовали "ударного труда" и полной идеологической и поведенческой покорности. Так вырабатывался особый тип "городского человека", лишь отдаленно связанного со своим историческим прошлым.

Но если в царской России крестьяне могли свободно ходить в города на промыслы по окончании сезонных работ, то в советское время традиционный термин "отходничество" маскировал бегство людей от ужасов коллективизации и непомерных налогов.

Глава седьмая "Репрессивная политика государства (ее истоки и масштабы воздействия)" также излагается цельно. Обращение исследователей к проблемам репрессивной политики советского государства имеет давние традиции, однако только сравнительно недавно историки получили доступ к секретным архивным фондам. Из отечественных историков можно выделить работы на эту тему М.Гернета, Д.Волкогонова, А.Дугина, В. Земскова, А.Кокурина; из зарубежных - Р.Конквеста, С.Максудова, Дж.Гетти, Г.Риттершпорна и др. [1]

1. Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. - М., 1931; Волкогонов Д.А. Семь вождей. - В 2-х кн. - М., 1995; Дугин А.Н. Сталинизм: легенды и факты //Слово, 1990, № 7, С. 22-25; Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) //Социологические исследования, 1991, № 6-7; Кокурин А.И. Восстание в Степлаге (май-июнь 1954 г.) //Отечественные архивы, 1994, № 4, С. 33-82; Максудов С. Потери населения СССР в годы коллективизации //Звенья. - М., 1991, Вып. 1, С. 65-112; Конквест Р. Большой Террор. Пер. с англ. - В 2-х т. - М., 1991; A.Getty, G.Rittersporn, V.Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Prewar Years //The American Historical Review. October, 1993, Vol. 98, number 4, P. 1017-1049.

В 1992 году диссертантом впервые в историографии были опубликованы данные о количестве осужденных в СССР и РСФСР за 1923-1953 годы, позволяющие изучить динамику репрессий. За традиционными спорами о том, сколько человек пало жертвами существующего после Октября политического режима - "много" или "мало" - скрывается вечно волнующая проблема в истории России. Количественные показатели, выдвигаемые большинством историков в качестве основных аргументов в споре, в конечном счете отражают ту цену, которую заплатило советское общество за весь период своего развития.

Автором на основе анализа сохранившихся архивных документов впервые установлено, что общая цифра осужденных в РСФСР за 1923-1953 годы судебными органами составила около 40 млн. человек (без учета дел за контрреволюционные деяния по делам органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД). Далеко не все из них приговаривались к тюремному заключению. В 30-е годы к лишению свободы на разные сроки приговаривалось от 37 до 50% всех осужденных, во время войны - 50-60, после войны - 38-45%. Около половины всех осужденных - и до войны, и после составляли приговоренные к исправительно-трудовым работам. В войну их доля снижается до 22-31%. И совсем незначительной была доля условно осужденных: 6-7% до войны, около 4% - после. Лишь в 1943 году, когда возникла острая нехватка людских ресурсов, репрессивный аппарат несколько сбавляет обороты - доля условно осужденных лиц возрастает до 12-14%.

Основное внимание автор уделяет уяснению истоков государственного террора. В отечественной историографии популярным является такое мнение: политическую линию большевиков после революции определили распад Российской Империи, поражение в первой мировой войне, затем гражданская война, ускоренное действие центробежных сил и др. И вот в создавшихся условиях большевики как наиболее организованная сила, во главе с решительными вождями, поддержанная уставшими от войны солдатами, жаждущими помещичьей земли крестьянами, выступили в роли "собирателей" земель российских, создателей новой государственности, не останавливающихся ради решения исторических задач ни перед каким насилием. Последующие деяния

их преемников приобретали тем самым характер исторической закономерности. С формальных позиций, это вроде бы соответствует фактам. Однако, автором диссертации берется во внимание не столько внешняя, сколько внутренняя сторона исторического процесса, а именно качество жизни и связанное с ним народное мировоззрение: государство из справедливого регулятора общественных отношений превратилось в советское время в источник насилия и незатухающей гражданской войны. Основанием для такого вывода послужило автору изучение документов из секретных фондов МВД, минюста и прокуратуры СССР.

Анализ статистики, связанной с уголовными преступлениями, показывает, что распределение осужденных по классовому признаку в целом соответствовало ситуации, сложившейся в социальной структуре населения, что позволяет говорить не просто о "классовой направленности" террора, а о постоянных массовых репрессиях против общества в целом. Но в наибольшей степени пострадало, конечно, крестьянство как самый многочисленный слой страны со своим многовековым укладом, с своим собственным масштабом ценностей, укорененностью своих воззрений. Именно на период коллективизации - 1929-1932 годы - приходится, как показано в работе, пик осужденных. Второй их взлет наблюдается в 1940 году - после знаменитого указа "О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений".

Некоторые историки не относят к числу жертв политических репрессий погибших от голода в 30-е годы [1] . Подобное утверждение, однако, оставляет вне исторического контекста то обстоятельство, что коллективизация имела прежде всего идеологические, т.е. и политические корни - так называемое кулачество специальным постановлением ЦК ВКП(б) объявлялось подлежащим ликвидации как класс (январь 1930 года). Голод, вызванный в стране в 30-х годах,стал частью общей политики

1. Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР (1917-1990) //Россия, XXI, 1994, № 1-2, С. 116-117.

государства применительно ко всему крестьянству, а не только к кулачеству, что имело место и после войны - государство, зная о масштабах голода, продолжало экспорт зерна за границу.

В этой главе диссертации приводятся также таблицы, показывающие динамику осужденных при советской власти по годам.

Глава восьмая "Крестьянский взгляд на колхозную реальность (по материалам обследования сел Московской и Саратовской областей и крестьянским письмам)" также дается в цельном изложении без разделения ее на параграфы. В основу главы положены материалы опросов жителей сел Дединова, Любичей, поселка Белоомут (Луховицкого района Московской области), села Рогачево (Дмитровского района Московской области), села Лох (Ново-Бурасского района Саратовской области), крестьянские письма, адресованные в правительственные органы. В своих поездках по селам автор не проводил социологического обследования, а потому не использовал характерный для этого инструментарий (программы, анкеты, опросные листы и пр.). Задача его заключалась в том, чтобы понять, как складывались исторические воззрения крестьян, понимание ими собственного места и роли в отечественной истории.

В этой связи автором приводится целый ряд довольно разнообразных источников, которые ярче позволяют представить крестьянскую точку зрения на исследуемый предмет; дается оценка их достоверности, прослеживаются живописные страницы наблюдений крестьянской жизни у Г.Успенского, в творчестве современных русских писателей - выходцев из деревни.

Неоценимым источником исследования служат для автора крестьянские письма - моментальный временной срез какого-либо события в деревенской жизни, вызвавшего появление документа. Как показывает сопоставление множества крестьянских писем с другими документальными и устными источниками, все они имеют под собой реальные факты жизни, фиксируемые крестьянским сознанием. По своему содержанию крестьянские письма, конечно же, стоят особняком. Они отличаются живым языком, яркой образностью чувств, глубоким осознанием трагизма, вызванного ломкой привычной устойчивой среды.

Кажущаяся повторяемость сюжетов, сходность жизненных обстоятельств лишь подчеркивают типичное состояние российской деревни - скудость колхозной системы, однообразие форм экономической жизни крестьян, отсутствие оригинальных народных идей, которыми прежде отличалась действительность. Что совершенно четко просматривается в письмах, так это противостояние двух социально враждебных сил - тружеников села и паразитарного чиновничьего слоя.

Своеобразным источником для материалов последней главы являются устные свидетельства, собранные в ходе бесед. Здесь автором отмечается одна особенность: чем больше времени прошло с момента события, тем, как правило, хуже помнятся факты, но тем ярче сила крестьянского провидения, тем точнее оценка прошлого и вернее прогноз будущего.

В заключении диссертации делаются общие теоретические и практические выводы исследования. Рассмотрев проблему взаимоотношений власти и общества в ее конкретной постановке - политика советского государства по отношению к крестьянству на предельно коротком, но переломном отрезке времени 40-х годов, автор показал, как действовал весь спектр принудительных мер, направленных на укрепление созданной насильственным способом колхозной системы, которую крестьяне рассматривали как сугубо враждебную своему существованию и своему традиционно сложившемуся жизненному укладу. Насильственная коллективизация, развернувшаяся вначале под политическим лозунгом ликвидации кулачества как класса в действительности привела к подрыву производительных сил деревни и установлению таких производственно-распределительных отношений в советском обществе, которые не способствовали социально-экономическому развитию села и в конечном счете были обречены на провал.

Акцент исследования сделан автором на 40-х годах неслучайно: когда началась война, крестьянство выбрало безошибочно верный путь, встав грудью на защиту своего Отечества в надежде, что после победы, которой были отданы все силы, что-то изменится в неуклонно проводимой линии государства. Но реальность показала другое: каждый последующий год привносил со стороны правительства в жизнь деревни такие

новшества, которые вели к ее прямому разорению. Ужесточение трудовой дисциплины в колхозах, бремя нескончаемых поборов в виде налогов на личные хозяйства - последний, а порою единственный источник существования семьи, сселение малых деревень, объявленных "неперспективными", произвол местных властей, бесправие - все эти "штрихи" колхозной жизни постоянно напоминали русскому мужику, что он - победитель фашизма, защитник Отечества и созидатель - остался не причем, остался человеком "второго сорта". Именно это предопределило в конечном счете окончательный разрыв крестьянина со своим историческим предназначением, в чем и заключается настоящая трагедия русского крестьянства, которая имеет свое продолжение и в наше время.

Основное содержание диссертации отражено в следующих (20 опубликованных работах общим объемом 35,4 печ.л.) публикациях автора:

1. Крестьянство и государство (1945-1953 гг.). - Париж: Имка-пресс, 1992. - 298 с. /Серия: "Исследования новейшей русской истории" под общей ред. А.И.Солженицына, Т. 9/. Рецензия: Вагин Е. Трагедия русского крестьянства //Вече: независимый русский альманах. - Мюнхен, 1993, № 50, С. 197-210.

2. Российская деревня после войны (июнь 1945-март 1953 гг.): Сборник документов. - М.: Прометей, 1993. - 204 с. Рецензии: Волков И.М. //Отечественные архивы, 1994, № 2, С. 119-120; Зеленин И.Е. //Отечественная история, 1995, № 2, С. 188-192.

3. Хрестоматия по отечественной истории (1946-1995): Уч.пособие для студентов вузов /Под ред. А.Ф.Киселева, Э.М.Щагина. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996, Глава 1. Социально-экономическое развитие страны (по теме диссертации - 3,0 печ. л.).

4. Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945): Уч.пособие для студентов вузов /Под ред. А.Ф.Киселева, Э.М.Щагина. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996, Глава 5. СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (по теме диссертации - 1,0 печ. л.).

5. Аграрно-крестьянский вопрос и переход к рынку //Вече: независимый русский альманах. - Мюнхен, 1990, № 40, С. 77-90 (0,6 печ. л.).

6. "Настроение нехорошее у народа, это факт ...": Крестьянские письма послевоенного времени //Советские архивы, 1991, № 4, С. 67-71 (0,7 печ. л.).

7. Государственный террор в Советской России. 1923-1953 гг. (источники и их интерпретация) //Отечественные архивы, 1992, № 2, С. 20-31 (1,1 печ. л.). Статья также опубликована в амер. журнале: Russian Politcs and Law. May-June, 1994, Vol.32, no. 3, P. 79-101.

8. Государство и рынок сельхозпродуктов //Степные просторы, Саратов. - 1992, № 3, С. 16-19 (0,6 печ. л.).

9. Крестьянский взгляд на колхозную реальность //Социологические исследования, 1992, № 7, С. 107-110 (0,3 печ. л.).

10. Голод и государственная политика (1946-1947 гг.) //Отечественные архивы, 1992, № 6, С. 36-60 (2,5 печ. л.). <u>Рецензия</u>: Сычев В. "Засекреченные" письма из 47-го //Тверская жизнь, 1993, 24 февраля.

11. Голод 46-го: причины трагедии //Степные просторы, Саратов. - 1992, № 12, С. 36-44 (1,2 печ. л.).

12. Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян) //Отечественные архивы, 1993, № 2, С. 31-38 (0,6 печ. л.).

13. "Второй и важнейший этап" (об укрупнении колхозов в 50-е - начале 60-х гг.) //Отечественные архивы, 1994, № 1, С. 27-50 (2,2 печ. л.).

14. Крестьянство и государство: Постановка проблемы //Россия в XX веке: Историки мира спорят. - М.: Наука, 1994, С. 552-561 (0,6 печ. л.). Статья также опубликована в еженедельнике "Литературная Россия", 1990, № 24.

15. Использование насилия при проведении аграрных реформ в России //Новые страницы отечественной истории XX века. - Калуга, 1994, С. 100-108 (0,3 печ. л.).

16. Еще раз о послевоенном голоде //Отечественные архивы, 1994, № 4, С. 82-87 (0,4 печ. л.).

17. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны //Социологические исследования, 1994, № 10, С. 76-94 (1,8 печ. л.).

18. "Мелочи" колхозной жизни //Отечественные архивы, 1995, № 4, С. 81-85 (0,3 печ. л.).

19. Паспортная система в СССР (1932-1976 гг.) //Социологические исследования, 1995, № 8, С. 3-14; № 9, С. 3-13 (2,2 печ. л.). Статья также опубликована в журнале "Новый мир", 1996, № 6.

20. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е гг. //Социологические исследования, 1995, № 12, С. 3-15; 1996, № 3, С. 91-103; № 4, С. 58-66 (3,0 печ. л.).